

можно придти къ тѣмъ взглядамъ, которые предлагаетъ графъ Толстой. А вопросъ Христа: справедливо ли отнять хлѣбъ у дѣтей и отдать псамъ, указываетъ на то, что и съ евангельской точки зрѣнія допускается нѣкоторая постепенность въ любви, безъ которой заповѣдь любви потеряла бы практическое значеніе, такъ какъ исчезла бы возможность удовлетворить ея требованіямъ.

Отождествленіе непосредственнаго чувства любви съ требованіемъ разумнаго сознанія есть, можетъ быть, самая слабая сторона книги графа Толстого.

Взглядъ его въ нѣкоторомъ отношеніи очень близокъ къ Шопенгауэровскому, но у Шопенгауэра сущность жизни не въ разумномъ сознаніи, а въ бессознательной волѣ.

Не изъ любви къ отцу, къ сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ людямъ добрымъ и любезнымъ,—говоритъ графъ Толстой,—какъ это обыкновенно думаютъ, люди отказываются отъ индивидуальности, а единственно вслѣдствіе сознанія ничтожества индивидуальнаго существованія—невозможности счастья для этого существованія, поэтому только отрекаясь отъ индивидуальной жизни, человѣкъ достигаетъ познанія истинной любви и можетъ истинно любить отца своего, жену, дѣтей и друзей.

Нѣтъ другой любви, кромѣ той, которая состоитъ въ томъ, чтобъ отдавать жизнь свою ради тѣхъ кого любишь.